

ТРЕТИЙ ГЛАЗ

Алена Левашова

Камера ничего не может сделать сама по себе, без фотографа. И глаз у нее только один объектив. Но именно он становится «третьим глазом» художника, когда тот пытается донести до зрителя свое видение окружающего мира. Удачный снимок всегда откровение. Это может быть остановленное мгновение пейзажа либо взгляд в человека или желание запечатлеть на пленке «мертвую натуру», то есть натюрморт. Если художник талантлив, за его плечами незримо (или зримо) присутствует муза. Если звезды на небе образуют правильную комбинацию, а не всем известную фигуру из трех пальцев, иными словами, если гению благоприятствуют обстоятельства, «натура» в натюрморте оживает.

Ставить натюрморты — это отдельная профессия, называется она «стилист по предметной съемке». Специалиста, работающего с пищевыми продуктами, для краткости называют фуд-стилист (от *англ.* food — еда). Специалиста по макияжу — стилист-визажист (*англ., фр.* visage — лицо, выражение лица, вид). Для художника, снимающего дорогие авторские или самые обыкновенные хозяйственные ножи, определения пока еще не придумали, слишком узка область данного творчества. По аналогии с вышеперечисленными ответвлениями профессии можно было бы предложить найф-стилист. Для краткости и в порядке эксперимента. Или еще проще: ножевой фотограф — чуть менее красиво и чуть более понятно...

В идеале фотограф должен быть таким человеком-оркестром: уметь ставить натюрморты самой разной стилистической направленности, видеть захватывающий кадр на унылой улице или в сером быту, должен уметь сделать проникновенный портрет или пейзаж. На практике у каждого свои пристрастия: кто-то предпочитает работать с людьми (модельная съемка), кто-то — мерзнуть в Антарктиде, поджидая наилучший ракурс давно знакомого пингвина, иные не пропускают ни одной горячей точки в поисках горячего сним-

ка. Но даже если фотограф специализируется на натюрмортах, каждая конкретная съемка ставит свои специфические задачи. Художественно-смысловая составляющая композиции может быть настолько сложной, что без грамотного художника-постановщика не обойтись.

В глянцевого журналах над одним снимком может работать целый авторский коллектив, но мало кто представляет, что поиск идеи для предметной постановки может занять две-три недели (иногда больше) напряженных раздумий, а на воплощение идеи порой уходит несколько дней. Не случайно огромное количество заказчиков имеют дело с рекламными агентствами, которые разрабатывают концепцию рекламной кампании, ее стратегию и тактику, начиная с глобальной идеи и заканчивая слоганами и детально проработанными эскизами постановок.

В этом случае к фотографу в студию приезжают сотрудники агентства с утвержденными эскизами, реквизитом и художником, который разложит этот реквизит перед камерой и который вряд ли сам является автором идеи. Фотографу достается техническая часть проекта — поставить свет и грамотно все это снять. Но, как я уже говорила, постановка и съемка могут занять не один день.

Натюрморт натюрморту рознь, и если фотограф хорошо снимает электронную технику Hi-End, это не значит, что он «вкусно» снимет рекламу пиццы или пива, и не факт, что справится с постановкой для мудреного коллекционного ножа. Вообще говоря, экспонирование и съемка исторического и авторского холодного оружия — это отдельная тема. Этому нигде не учат, и все нюансы профессии приходится узнавать, набивая собственные шишки.

Сочетание цветовых оттенков и фактур поверхностей материалов, хрестоматийные законы построения композиции и специфика восприятия человеком острого предмета, тонкости постановки света и отсутствие привычной перспективы в кадре (камера видит только одним глазом) — перечислять можно до бесконечности. Сам по себе отполированный клинок, обоюдоострый или бритвенной заточки, — это очень сложная поверхность, отражающая под самыми разными углами все, что угодно, только не то, что тебе нужно. Целиком высветить закругляющуюся режущую кромку клинка, не потеряв при этом плоскости лезвия, бывает настолько сложно, что приходится идти на всевозможные ухищрения, часами танцуя вокруг непокорной вещи, но результат того стоит. Правка готового слайда в «Фотошопе»

может иногда спасти недотянутый кадр, но ей, как макияжем, не стоит увлекаться, поскольку есть риск получить вместо очарования живой съемки нечто суррогатно-отталкивающее.

Ножи, как люди, бывают фотогеничными и нет, покладистыми и строптивыми. Бывает, смотришь на предмет и думаешь: «Ну что за лубок, как такое можно делать?! А ведь кто-то старался...» А потом удивляешься, как такая неказистая и неаккуратная вещь стильно смотрится на снимке. Это сейчас мне достаточно подержать нож в руках, чтобы понять, как он будет в итоге выглядеть на «портрете» и в каком окружении лучше всего проявит себя, а раньше приходилось экспериментировать часами. Но все равно от временных затрат никуда не деться: миллиметр вправо вверх, миллиметр влево вниз, пятнадцать сантиметров назад — и так целый день.

В натюрморте, где есть «главный персонаж», то есть вещь, ради которой ставится композиция, главное — не переборщить с антуражем. В хорошем соседстве любая работа выигрывает, как картина в правильно подобранной раме. Она может показать себя с неожиданной стороны, но это пойдет ей на пользу. И чем сильнее постановка производит на неискушенного зрителя впечатление легкости и простоты исполнения, тем сложнее и дольше ее делать. «Реквизит» для съемки мне приходилось собирать по всему миру: разноцветный ягель с Селигера, ракушки и оплывшие словно в огне камни из Греции, осколки средневековой керамики из Израиля, рождественские стеклянные шарики из Германии, яшмовые окатыши, бамбук из Абхазии, можжевельник из Крыма, обломки исламской мозаики и древние медные

Нож «Финка», автор О. Дергаусов.

Для рукояти использована реликтовая кость, найденная в слое XIV–XV вв. в раскопе на Старом Арбате по соседству со зданием, где находилась в 1996–1997 гг. наша галерея. Как объяснили археологи, в те времена кости животных со скотобоев использовались для прокладки дорог вместо нынешнего гравия. Реликтовую тему поддерживает железный замок (XVIII в.), два ключа того же времени и мехи для раздувания камина (XIX в.) на заднем плане.

Постановка: А. Левашова.

Фото: В. Теплов

кувшины из Самарканда, сайгачьи рога из Бишкека. Что еще? Ах да! Подарки и «аренда»: набор для ухода за мечами из Японии, агатовая галька из Мексики и Монголии, ну и так, по мелочи откуда-то — всего не упомянешь. Часто вещи подбирались у друзей и знакомых художников в мастерских специально для конкретной съемки, иногда

жили в студиях у фотографов в ожидании своего часа. Каждый раз, когда я куда-нибудь выезжала из Москвы, я наметанным глазом определяла, пригодится мне данный предмет в работе или нет. Это было сродни болезни, я все и вся оценивала с этой точки зрения.

А начиналось все довольно прозаично: в 1993 году мы с мужем Олегом Бобковым организовали первую в стране Галерею авторского оружия, в 1995 году она стала называться ГАО «Русские Палаты». Экспонатов, проходящих через наши руки, было так много, что понадобилась обычная каталожная фотосъемка. В какой-то момент просто снимать ножи на нейтральном фоне мне, в силу природного перфекционизма, показалось скучно, и я стала искать для ве-

щей окружение. Тогда и появились первые в нашей стране постановочные фотографии авторских ножей. До этого ножи были, но не было ни галереи, ни термина, их определяющего, ни прицельной предметной съемки.

Года через три на клинковой ярмарке в Париже я купила альбом Джима Вейера (Jim Weyer) Knives: Points of Interest, book IV («Ножи: на острие интереса, книга четвертая»), экземпляр за номером 3314 из пятидесяти тысяч ограниченного тиража. Книга привлекла меня прекрасным качеством постановок и печати. Позднее я узнала, что Джим Вейер стоял у истоков постановочной ножевой фотографии в США. Явление, которое мы в России называем авторскими ножами, в Америке оформилось чуть раньше — в начале

Этого «зверя» мне не только пришлось однажды серьезно реставрировать, но и снимать случилось шесть или семь раз. Это — последний вариант, мышонок в окружении старинных вещей: брегета (XIX в.), складного метра (XIX в.), склянки с сигнатурой и аптекарским порошком (нач. XX в.) и палочек корицы.

Постановка: А. Левашова.

Фото: В. Теплов

1970-х годов. Вся сопровождавшая различные blade-show литература была отпечатана на дешевой серой бумаге с маленькими черно-белыми иллюстрациями. Вейер, успешный профессиональный фотограф, снимал рекламу известных брендов, работал с крупными заказчиками. Однажды он сильно заболел и, оказавшись в боль-

нице, просматривал от безделья различные журналы. Среди них попался типичный для того времени ножевой каталог. Тема эксклюзивных ножей увлекла Вейера, но качество съемки и печати шокировало. Выйдя из больницы, он решил съездить на blade-show, чтобы самому все увидеть, а заодно и предложить свои услуги. Редакторов журналов, коллекционеров и мастеров заинтересовало его предложение о сотрудничестве, и скоро он уже не пропускал ни одного показа: занимался репортажной съемкой и постановочной фотографией дорогих авторских экземпляров. Почти двадцать пять лет он был ведущим ножевым фотографом в США, а возможно, и в мире. В 1984 году Вейер издал свой первый художественный альбом, в основы которого легли постановки, оплаченные крупным швейцарским коллекционером Эриком Мейером. Недавно Мейер скончался, оставив после себя огромное собрание в несколько тысяч эксклюзивных ножей. За первым альбомом в течение пятнадцати лет последовало еще четыре издания, но, по словам известного французского публициста Френсиса Энглейда, «первая книга стала настоящей линией водораздела. Имея ее на руках, потенциальные коллекционеры могли получить точное представление относительно того, кто что делает и что вообще может быть сделано, могли оценить красоту самих вещей и красоту их подачи, что особенно важно при продвижении на рынок произведений искусства». К своей работе Джим подходит творчески во всех отношениях и часто сочетает живую съемку с компьютерным коллажем. Справедливости ради надо заметить, что делает это достаточно деликатно, не теряя чувства меры. Его работы без натяжки можно назвать примером грамотного использования

графических программ, когда художник с их помощью решает поставленную задачу, а не идет у них на поводу, бездумно балуясь открывающимися возможностями и фактически становясь биологическим придатком компьютера.

Другого специалиста, подвигающегося на ниве ножевой съемки, читатели «Прореза» уже знают, это — Скотт Слободиан. Как мы упоминали в статье об этом известном оружейнике, в ножевой бизнес он пришел из рекламной фотографии, которой посвятил более четверти века. Вполне естественно, что свои оружейные работы Скотт снимает сам, и неудивительно, что в его фотопостановках чувствуется уверенная рука профессионала. Еще одно знакомое читателю имя — Томо Хасегава — фотограф, с которым давно и успешно сотрудничает японское «живое национальное достояние», оружейница Харуми Хираяма («Прорез», № 3 и 4 за 2007 год). Некоторые композиции японца лаконичны, иные насыщены предметами, но и те и другие очень тонко выверены. Не случайно, когда Харуми прислала материалы для статьи, она особо попросила не кадрировать постановки, что свидетельствует о высоком уровне фотографа. Ведь границы кадра — это полноправный элемент композиции, и, изменив их, можно безнадежно «зарезать» всю работу. Тогда вместо ощущения гармонии появляется чувство тупого раздражения. Говорю это как автор, переживший однажды подобное надругательство над своими композициями. Другой приятной отличительной чертой постановок Хасегавы является то, что в них нет случайных предметов, каждая деталь продумана, каждый элемент на своем месте. Это тоже говорит о многом. В первую очередь, о неформальном отношении к съемке, об эмоцио-

нальном проникновении в об-разный строй ножей Харуми. А во-вторых, — ну куда от этого денешься! — о генетической преемственности национального характера с его умением любоваться, чувствовать и сопереживать красоте, будь то природная красота или созданное людскими руками произведение.

Подобная эмоциональная включенность — первое среди главных условий, необходимых для того, чтобы рекламный натюрморт перерос рамки узкого жанра. Обычно присутствие некой смысловой доминанты, ради которой «городится весь огород», то есть подбирается окружение, выстраивается композиция, ставится свет и т.д., вносит некоторое прикладное звучание и сводит работу к определению «рекламная полоса в журнале» или «постер». И очень редко фотокомпозиции этого жанра вырастают в нечто большее и могут претендовать на звание интерьерной фотографии, для чего, помимо таланта и внутренней причастности фотографа, нужно, чтобы упомянутая доминанта сама по себе была произведением искусства. С этой точки зрения лучшие образцы авторских ножей предоставляют фотографам и постановщикам богатый материал для творчества, но, насколько мне известно, в последнее время хорошей ножевой постановкой у нас в стране практически никто не занимается. Из-за дороговизны и трудоемкости подобной работы заказчики все больше обращаются к компьютерной графике, справедливо полагая, что подавляющее большинство зрителей не особо разбирается в тонкостях живой съемки, так почему бы не сэкономить на этой неискренности? Снять нож на нейтральном светлом сером фоне, вырезать и разместить на подложке, вырытой где-нибудь в недрах интернета, гораздо проще, быстрее и дешевле,

Для пары профессиональных японских кухонных ножей фирмы «Ямахида» (филейный для разделки рыбы и универсальный) мне захотелось подобрать очень яркое, аппетитное и немного японское окружение. Так в постановке появились свежая форель, имбирь, мускатный орех и лимон. Молодая спаржа, кольраби, лук, перец, помидоры и разнообразная зелень дополняют впечатление рога изобилия. А вот чеснока в натюрморте нет – японцы не употребляют его в пищу.
Постановка: А. Левашова.
Фото: В. Теплов
Заказчик съемки фирма «Басселард»

чем заказывать студийную постановочную съемку.

Свои лучшие постановки я снимала либо из любви к искусству (работу самого фотографа оплачивал Олег), либо по заказу коллекционеров, желавших

иметь качественную съемку любимых вещей для самых разных нужд, начиная от дорогих корпоративных календарей и заканчивая украшением своего офиса. Понятно, что, отдав несколько тысяч условных единиц за нож, коллекционер мог себе позволить профессиональную фотографию. К сожалению, сегодня тенденция экономить на качестве постановки набирает обороты, и не только в области авторского оружия. Сами мастера ограничиваются цифровой каталожной съемкой своих работ, ножевые издания также предпочитают техническую съемку. Однако я подозреваю, что ценители эксклюзива в любой области никогда не исчезнут. Просто не стоит рассчитывать, что камерный оркестр «Виртуозы Москвы» соберет аудиторию какого-нибудь поп-певца. Но и своих поклон-

ников он не потеряет. Думаю, частично уйдя из рекламы, живая съемка сместится в область оформления интерьеров и интерьерные фотокомпозиции составят еще более уверенную конкуренцию живописи; в этом случае роль художника в творческом тандеме с фотографом переоценить будет просто невозможно.

Фотография, как и авторские ножи, искусство элитарное. В самом лучшем смысле этого слова. Насколько талантливой и живой окажется та или иная ножевая композиция, покажет история. Однако рискну предположить, что в качестве украшения интерьеров оружейные натюрморты ждет счастливое будущее — мастерство художника всегда будет востребовано, пусть и узким кругом ценителей.